

УДК 349.6
ББК 67.407

Ryzenkov Anatoly Yakovlevich,
doctor of law, professor,
professor of the department
of civil law
of Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: 4077778@list.ru

Рыженков Анатолий Яковлевич,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры
гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 4077778@list.ru

ДИСКУССИЯ О ПРЕДМЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В РОССИИ, БЕЛАРУСИ И ДРУГИХ СТРАНАХ СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

DISCUSSION OF THE SUBJECT OF THE ECOLOGICAL LAW IN RUSSIA, BELARUS AND OTHER CIS COUNTRIES: COMPARATIVE AND LEGAL ASPECT

12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.06 – Land law; natural resources law; ecological law; agrarian law

В статье рассматриваются современные дискуссионные вопросы о предмете экологического права на основе анализа научных позиций ученых из России, Беларуси и некоторых других стран СНГ. Доказывается, что существующие сегодня и «узкий», и «широкий» подходы к пониманию предмета экологического права имеют каждый свои плюсы и минусы. При широком подходе можно лучше показать динамику взаимодействия мер по рациональному использованию и охране окружающей среды в целом или отдельных ее компонентов; при узком подходе лучше удастся акцент на мерах по сохранению и восстановлению окружающей среды. Придерживаясь узкого подхода к пониманию предмета экологического права, автор предлагает выделять три группы общественных отношений, составляющих предмет экологического права как отрасли права.

The article examines modern debatable questions of the subject of the ecological law on the basis of the analysis of scientific positions of the scientists from Russia, Belarus and some other CIS countries. It is proved that the existing both «narrow» and «broad» approaches to understanding of the subject of the ecological law have their pluses and minuses. The broad approach contributes to better showing dynamics of interaction of the measures for rational use and protection of environment as a whole, as well as its individual components; the narrow approach emphasises on the measures for preservation and restoration of the environment. Adhering to the narrow approach to understanding of the subject of the ecological law, the author proposes to distinguish three groups of public relations constituting the subject of the ecological law as a branch of the law.

Ключевые слова: экологическое право, природоресурсное право, предмет правового регулирования, отрасль права, подотрасль права, негативное воздействие, земельное право, природный ресурс, природный объект, охрана природы.

Keywords: ecological law, natural resource law, subject of legal regulation, branch of the law, subsector is the law, negative impact, land law, natural resource, natural object, nature conservation.

Введение

Одной из главных задач юридической науки является своевременное выявление происходящих в обществе процессов, анализ эффективности их правового регулирования и предложение вариантов разрешения существующих социальных конфликтов посредством правовых процедур. Экологическое право в этом смысле не является исключением. Возникнув на рубеже 70–80-х годов XX века, оно претерпело ряд существенных трансформаций, взлетов и падений и на сегодняшний день является одной из молодых отраслей права РФ, продолжающей период своего становления, что влечет за собой обсуждение многих фундаментальных проблем, которые в классических отраслях права (например, в гражданском или уголовном праве) давно уже получили определенное (пусть даже и не всегда удачное) разрешение, и взгляд на них в юридической науке можно считать устоявшимся.

Совершенно другую ситуацию мы видим в случае с экологическим правом, относительно предмета которого уже много лет нет никакой определенности. В различных научных школах сложился либо широкий подход к пониманию предмета и сферы действия норм экологического права, предполагающий, что в состав экологического права входит два блока (природоресурсный и природоохранный), либо узкий подход, предполагающий, что экологическое право не регулирует природоресурсные отношения, поскольку для этого в системе права существует ряд отдельных самостоятельных отраслей права, находящихся с экологическим правом (а также гражданским, уголовным и всеми остальными отраслями) в сложной системе межотраслевых связей. От решения этого вопроса зависит система принципов и внутреннее строение экологического права. Поэтому целью данной статьи будет анализ высказанных в науке экологического права мнений с выводами о сильных и слабых сторонах каждого подхода в сравнении с научными дискуссиями, проходящими в Беларуси как стране, правовая система которой (и в том числе эколого-правовое регулирование) наиболее похожа на российскую.

Основная часть

Первые годы своего существования экологическое право развивалось в рамках природоресурсного права, выступая как одна из его подотраслей (наряду с горным, лесным,

земельным правом и т. д.). Однако уже к концу 80-х — началу 90-х годов прошлого века начинается процесс формирования новых отраслей права и разукрупнение существующих. Именно тогда начинаются дискуссии о самостоятельности семейного права, выделении муниципального права, формировании медицинского права и т. д. И в этом смысле выделение из природоресурсного права экологического и земельного права не было чем-то необычным и вызывавшим возражения с точки зрения формирования новых подходов к построению системы российского права. Другое дело, что, в отличие от многих других новых отраслей, с самого начала у представителей эколого-правовой науки не было единства мнений ни относительно названия отрасли, ни по вопросам ее внутреннего строения. При этом представителями юридической науки были высказаны следующие мнения.

Представители украинской научной школы полагали, что природопользование и охрана природы — это не две самостоятельные формы взаимодействия общества и природы и даже, как иногда пишут, не две стороны одной медали, а единая сложноподчиненная, взаимообусловленная задача управления природопользованием в процессе производственной деятельности [1]. Таким образом, проблемы разграничения сферы действия экологического и природоресурсного права (включая земельное) не может быть в принципе.

В российских научных трудах обращалось внимание на то, что если учитывать интересы и потребности граждан в сфере взаимодействия общества и природы, то в предмет современного российского экологического права следует включить отношения: собственности на природные объекты и ресурсы; по природопользованию; по охране окружающей среды от разных форм деградации; по защите экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц [2]. Нисколько не возражая против данного подхода, следует все же заметить, что в процитированном выше учебнике дается лишь общая характеристика права природопользования, а в главе 18 (особенности правового режима природных объектов) речь идет, главным образом, не столько об использовании, сколько об охране таких природных объектов. Таким образом, данный учебник отчасти построен по модели «узкого подхода».

О. И. Крассов отмечает, что экологическое право — это самостоятельная отрасль права России, «... состоящая из совокупности правовых норм, регулирующих широкий спектр общественных экологических отношений, связанных с осуществлением мер по охране окружающей природной среды в сфере природопользования от негативных воздействий (химических, физических, биологических) и мер консервативной охраны природы». Экологическое право «... теснейшим образом связано с земельным правом, включающем в качестве подотраслей градостроительное, горное, водное и лесное право, что обусловлено единством природы, значением земли как одного из важнейших компонентов окружающей среды» [3]. При этом система экологического права в данном учебнике построена по «узкой» модели. Это проявляется в том, что в ней не выделяются институты по использованию (а только по охране) отдельных видов природных ресурсов (земель, вод, лесов, недр и т. д.).

Классическим широким подходом к пониманию предмета экологического права можно считать позицию А. Ю. Семьяновой, отмечающей, что предметом

экологического права являются отношения в сфере взаимодействия общества и окружающей среды, включающие три составные части:

1) природоохранное право, регулирующее общественные отношения по поводу охраны экологических систем и комплексов, общих природоохранных правовых институтов, решения концептуальных вопросов всей окружающей среды. Назначением этой части является обеспечение регулирования всего природного дома, естественного жилища людей в комплексе;

2) природоресурсное право, которое регулирует общественные отношения по предоставлению отдельных природных ресурсов в пользование, а также вопросы их охраны и рационального использования — земли, ее недр, вод, лесов, животного мира и атмосферного воздуха;

3) нормы других самостоятельных отраслей права, обслуживающие общественные отношения, связанные с охраной окружающей среды, объединяемые задачей защиты окружающей среды (нормы административного права, уголовного права, нормы международного права) [4].

Данный широкий подход содержит ряд несомненных плюсов, заключающихся в том, что использование природных ресурсов и охрана окружающей среды представляют собой настолько взаимосвязанные виды деятельности, разграничить которые часто бывает весьма затруднительно. Например, размещение отходов производства и потребления на специальных полигонах — это использование земель или правовая охрана окружающей среды? В рамках широкого подхода такой вопрос не может возникнуть в принципе, поскольку регулирование как использования, так и охраны окружающей среды осуществляется нормами одной отрасли права — экологического права.

Между тем есть ряд доктринальных проблем, связанных с внутренним строением экологического права в широком смысле. С. А. Боголюбов отмечает, что начав свое развитие в составе природоресурсного права, затем «земельное и иные отрасли природоресурсного права стали подотраслями экологического права, его составной частью» [5], а Н. И. Матузов и А. В. Малько считают «лесное, горное, водное право подотраслями земельного права» [6].

Однако, если согласиться с первой теорией, то получается, что поскольку экологическое право состоит из природоресурсного и природоохранного права, а, соответственно, земельное право — это подотрасль экологического права, то в этом случае такой же подотраслью (но в природоохранном праве) будет «ответственность» или «особо охраняемые природные территории». Однако они различаются по объему в несколько раз, что недопустимо в рамках одной отрасли, и больше не наблюдается в российской системе права.

Кроме того, в данном случае окажется, что в составе одной отрасли будет находиться более десяти подотраслей. Если даже считать, что природоохранное право не состоит, как природоресурсное, из подотраслей, а само в целом подотрасль, то кроме асимметрии в строении системы экологического права есть еще одна проблема. В этом случае выяснится, что в экологическом праве семь подотраслей. Между тем в теории права говорят всего о двенадцати общепризнанных отраслях права, причем в гражданском праве шесть подотраслей, а во многих других отраслях права (уголовное, трудовое право и т. д.) подотраслей нет вообще. Следовательно, в экологическом

праве в рамках данной научной концепции окажется подотраслей больше, чем во всех остальных отраслях российского права вместе взятых [7]. Если же считать горное, лесное и водное право подотраслями земельного права, то и тогда остается открытым вопрос о соотношении земельного и экологического права.

Интересную точку зрения на данную проблему высказал авторский коллектив словаря юридических терминов по экологическому праву под руководством А. К. Голиценкова. Во-первых, представители данной научной школы в порядке компромисса предлагают рассматривать экологическое право в широком и узком смысле, не усматривая в этом неразрешимого противоречия (именно они впервые и предложили такую дуалистическую трактовку предмета экологического права). По их мнению, экологическое право (в узком значении — природоохранительное право) — система правовых норм и институтов, образующих комплексную отрасль права, предметом которой являются общественные отношения только по охране окружающей природной среды (природоохранительные); в широком значении — это общественные отношения не только по охране окружающей природной среды, но и общественные отношения по использованию и охране природных ресурсов и отношения по обеспечению экологической безопасности человека и других объектов (общество, государство). Соответственно этому подходу авторский коллектив дает определения и всем отраслям природоресурсного права.

Применительно к горному, лесному, водному и земельному праву авторы отмечают, что это система правовых норм и институтов, каждая из которых образует самостоятельную комплексную отрасль права. Применительно к атмосферозовоздушному праву отмечается, что это подотрасль экологического права либо формирующаяся самостоятельная отрасль права, причем последняя точка зрения пока не является общепризнанной. Наконец, в части фаунистического права сообщается, что это формирующаяся комплексная отрасль права, но этот факт также «не является общепризнанным». Логично выглядит и определение природоресурсного права как родового термина для отраслей права, имеющих предметом регулирования общественные отношения по использованию и охране природных ресурсов (атмосферозовоздушное право, земельное, водное, горное, лесное, фаунистическое право) [8].

Данная позиция вытекает из давно ведущейся научной дискуссии о самостоятельности бывших составных частей природоресурсного права. Так, в научной литературе уже были высказаны предложения считать самостоятельными отраслями (наряду с земельным правом, признаваемым всеми) горное право [9], водное право [10] и лесное право [11]. Существование фаунистического права как отрасли права также не вызывает сомнений, хотя это пока еще и не признано всеми представителями эколого-правовой науки.

Различное понимание предмета экологического права можно увидеть и в трудах белорусских юристов-экологов. Так, Н. А. Шингель и И. С. Шахрай отмечают, что природоресурсное право представляет собой совокупность отраслей, регулирующих отношения по использованию (в том числе рациональному, устойчивому) и охране природных ресурсов. При этом они указывают, что природоресурсное право — это собирательный термин, который охватывает несколько равнозначных

правовых образований, регулирующих природоресурсные отношения [12, с. 5]. Весьма интересна далее излагаемая позиция авторов о том, что существуют нормативные критерии, позволяющие ограничить природоресурсные отношения, составляющие предмет природоресурсных отраслей права, от отношений по охране окружающей среды, составляющих предмет экологического права. Соответственно, нормы, регулирующие природоресурсные отношения, систематизированы по объектному признаку и охватывают *использование* ресурсов земель, лесов, недр, вод, растительного и животного мира в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности, составляя природоресурсное право в широком смысле. Соответственно, в узком смысле природоресурсное право включает совокупность самостоятельных, сформировавшихся отраслей, среди которых авторы выделяют земельное, водное, горное, лесное право, а также отрасль, регулиющую «использование и охрану растительного мира» и отрасль, регулиющую «использование и охрану животного мира». Несомненно, экологическое и природоресурсное право тесно связаны, однако самостоятельность природоресурсного права обеспечивается наличием собственной нормативной базы, едиными принципами в регулировании природоресурсных отношений, а также нормативно закрепленным разграничением сферы правового регулирования экологического и природоресурсного законодательства (включая разграничение этих отраслей между собой) [12, с. 8–10].

Данную концептуальную позицию разделяет и О. А. Бакиновская, отмечая, что земельное право является самостоятельной отраслью (а не, например, подотраслью) национальной правовой системы Беларуси [13].

Другой позиции придерживаются Т. И. Макарова и В. Е. Лизгаро. Исследуя предмет экологического права, они отмечают, что его составляют отношения, направленные, с одной стороны, «...на использование природных ресурсов и иное антропогенное воздействие на окружающую среду, с другой — обусловлены требованиями охраны окружающей среды от негативных последствий хозяйственной и иной деятельности человека» [14, с. 8]. Исследуя вопрос о системе экологического права, они выделяют в качестве *подотраслей экологического права* земельное, горное, водное, лесное право, а также правовой режим охраны и использования животного мира, правовой режим охраны и использования растительного мира, правовую охрану атмосферного воздуха и т. д. В теме «экологические правоотношения» они предлагают различать два их вида: по использованию природных ресурсов, их восстановлению и охране (природоресурсные правоотношения) и по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности при осуществлении экономической деятельности (природоохранительные отношения) [14, с. 17, 43].

Несколько неожиданный взгляд на предмет и систему экологического права высказывает представитель украинской эколого-правовой науки Е. Н. Ткаченко, вводя в научный оборот термин «право лечебно-рекреационного природопользования», которое еще не достигло степени самостоятельной отрасли, и является формирующейся подотраслью экологического права [15].

Однако с этой позицией не согласны представители белорусской научной школы, отмечающие, что данное предложение необоснованно из-за отсутствия обособленности

этих норм от других норм экологического законодательства. Спорно и предлагаемое наименование «лечебно-рекреационное право», так как оздоровительные цели являются частью рекреационных [16].

Таким образом, в белорусской юридической науке точно так же, как и в российской, существует два концептуальных методологических подхода к пониманию предмета экологического права — в узком и широком смысле. Аналогичного рода дискуссии происходят и в эколого-правовой науке Казахстана. С. Т. Культелеев считает выделение в предмете экологического права отношений собственности на природные объекты и ресурсы преждевременным, поскольку они составляют предмет не экологического, а гражданского права [17]. С. Д. Бекишева отмечает, что предмет экологического права составляют отношения по охране экологических прав и законных интересов физических лиц, юридических лиц, КФХ и государства; по охране окружающей природной среды (природоохранительные отношения); по рациональному использованию природных ресурсов (природоресурсовые отношения); отношения собственности на природные ресурсы; отношения по экологическому управлению; отношения по реализации экологической ответственности [18].

При таком подходе, однако, остается открытым вопрос, входят ли отношения «по охране экологических прав» или отношения по экологическому управлению в состав «природоохранительных», а отношения собственности на природные ресурсы — в состав «природоресурсных»? Если входят, то почему выделяются отдельно, а если не входят — то почему они туда не включены?

Представляется, что в рамках узкого подхода к пониманию экологического права многие такие вопросы сами собой отпадают. Если считать, что экологическое право регулирует отношения по охране окружающей среды от различных форм антропогенного воздействия, а природоресурсное право (как общее научное название ряда самостоятельных отраслей права) — отношения по использованию природных ресурсов, то динамика их взаимодействия друг с другом определяется через сложную систему межотраслевых связей точно так же, как и между ними и гражданским или административным правом.

При узком подходе предмет экологического права составляют три группы общественных отношений. В *первую* входят отношения, возникающие в связи с воздействием человека на состояние природы в различных сферах деятельности человека, включая энергетику, сельское хозяйство, оборону, промышленность и т. д. Эта деятельность может оказать негативное воздействие на несколько или сразу на все виды природных объектов и комплексов. Например, в результате нарушений, допущенных при эксплуатации Чернобыльской АЭС и случившейся на ней аварии, произошел несанкционированный выброс радиоактивных веществ. Радиация оказала вредное воздействие на состояние всех природных ресурсов: лесов, земель, вод и т. д., попавших в зону радиоактивного заражения. Чтобы не допускать таких аварий в будущем, закон предусматривает экологические требования в энергетике.

Вторая группа включает отношения, возникающие по поводу охраны отдельных видов природных объектов (земель, вод, недр и т. д.). *Третья* группа включает комплексные (территориальные) экологические отношения, в состав которых входят отношения по охране природных объектов, комплексов и территорий (заказники, заповедники,

национальные и природные парки, рекреационные, санитарные и иные зоны), а также отношения по созданию зон экологического бедствия, на территории которых устанавливается особый правовой режим их использования, восстановления и охраны [19].

Таким образом, предметом природоресурсного права выступают общественные отношения по поводу присвоения природных ресурсов как объектов права государственной собственности и права природопользователей на землю, воды, леса, недра, животный и растительный мир в их неподвижной пространственности или естественном состоянии. Напротив, предметом экологического права являются отношения по восстановлению надлежащего качества природных ресурсов и окружающей среды в целом, ее охраны, нормирования неблагоприятного воздействия на них со стороны хозяйственной деятельности человека, изъятия природных комплексов из хозяйственного использования в целях их консервативной охраны в интересах настоящего и будущего поколений людей, защиты экологических прав человека [20].

Это означает, что природоресурсные и природоохранительные правоотношения отражают две стороны взаимодействия системы «природа — человек — общество», каждая из которых обусловлена своими экономическими интересами и подчинена собственным законам развития в рамках существующих производственных отношений в российском обществе и государстве [21].

В заключение следует обратить внимание еще на один важный вопрос. Во многих российских и белорусских научных школах в предмет экологического права включается «экологическая безопасность» как составная часть «национальной безопасности» [22]. Но насколько такой подход является обоснованным? С одной стороны, для этого есть основания, поскольку ст. 72 Конституции РФ относит к числу предметов совместного ведения охрану окружающей среды и «обеспечение экологической безопасности».

С другой стороны, если проанализировать определение «охрана окружающей среды», указанное в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года, то можно прийти к выводу о том, что это *деятельность* органов публичной власти, граждан и их объединений, направленная на сохранение и восстановление природной среды, предотвращение негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, то есть некий *процесс*. В свою очередь, экологическая безопасность — это «...состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» — то есть его *результат*. Другими словами, на что направлена природоохранная деятельность, какова ее цель? Представляется, что эта цель и есть обеспечение экологической безопасности в России.

Как отмечал М. М. Бринчук, нет оснований выделять отношения по обеспечению экологической безопасности как отдельную группу общественных отношений, регулируемую нормами экологического права, наряду с охраной окружающей среды и отношениями по использованию природных ресурсов. Экологическая безопасность — это принцип охраны окружающей среды и природопользования [23]. Однако обеспечение экологической безопасности еще логичней понимать как *цель охраны* окружающей среды [24].

Следует согласиться с А. П. Анисимовым в том, что наличие тесной взаимосвязи между использованием и охраной природных ресурсов не вызывает сомнений. Это действительно две стороны одной медали, и в этом сторонники узкого и широкого подходов совпадают. Отличия начинаются на стадии оценки этого явления. Сторонники широкого подхода абсолютизируют эту взаимосвязь, полагая, что она является основанием конструирования отдельной отрасли (суперотрасли) права. Сторонники узкого подхода обращают внимание на то, что наряду с диалектической парой «использование — охрана» (земельное — экологическое право) есть и ряд других, например, «землепользование — управленческое право»; «осуществление прав на землю — оборот земельных участков» (земельное — гражданское право); «право собственности на землю — плата за землю» (земельное — финансовое право) и т. д. Аналогичные примеры можно привести в рамках лесного, водного, горного и фаунистического права. Из этого следует, что меж-

отраслевые связи экологического и природоресурсных отраслей права в связке «использование — охрана» — это не более чем частный случай другой большой тенденции взаимопроникновения различных отраслей права и формирования межотраслевых институтов [25].

Выводы и заключение

Представляется, что и узкий, и широкий подход к пониманию предмета экологического права имеет свои плюсы и минусы. При широком подходе можно лучше показать динамику взаимодействия мер по рациональному использованию и охране окружающей среды в целом или отдельных ее компонентов, при узком подходе лучше удается акцент на мерах по сохранению и восстановлению окружающей среды. В любом случае данная дискуссия должна быть продолжена, поскольку без обсуждения этих фундаментальных вопросов невозможно дальнейшее развитие эколого-правовой науки. Кроме того, от решения этого вопроса зависит не только система экологического права как отрасли права, но и вся система принципов данной отрасли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шемшученко Ю. С., Мунтян В. Л., Розовский Б. Г. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды. Киев, 1978. С. 10.
2. Бринчук М. М. Экологическое право : учебник. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. С. 58.
3. Крассов О. И. Экологическое право : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. С. 41–50.
4. Семьянова А. Ю. Экологическое право. Курс лекций. М. : Юстицинформ, 2005. 272 с.
5. Боголюбов С. А. Экологическое право : Учебник для вузов. М., 1998. С. 11.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : Учебник. М., 2003. С. 323.
6. Анисимов А. П. Экологическое право в «широком» и «узком» смысле: приглашение к дискуссии // Новая правовая мысль. 2013. № 2. С. 3–9.
7. Экологическое право России: словарь юридических терминов : Учебное пособие для вузов [Электронный ресурс] / под ред. А. К. Голиченкова. М. : Городец, 2008. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» по паролю (дата обращения: 06.09.2017).
8. Елюбаев Ж. С. Теоретические и методологические проблемы правового регулирования недропользования: отечественный опыт и зарубежная практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2010. С. 18–19.
9. Мукашева А. А. Теоретические и методологические проблемы водного права Республики Казахстан в современных условиях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Астана, 2010. С. 7–8.
10. Быковский В. К. Лесное право России : учебник для магистров. М., 2012. С. 14.
11. Шингель Н. А., Шахрай И. С. Природоресурсное право: краткий курс. Минск : Амалфея, 2017. 328 с.
12. Бакиновская О. А. Земельное право: ответы на экзаменационные вопросы. Минск : Тетралит, 2016. С. 4.
13. Макарова Т. И., Лизгаро В. Е. Экологическое право: курс интенсивной подготовки. Минск : Тетралит, 2015. 304 с.
14. Ткаченко Е. Н. Право пользования курортными, лечебно-оздоровительными и рекреационными зонами: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1999. С. 45.
15. Самусенко Л. А. Право рекреационного природопользования. Минск, 2014. С. 21.
16. Культелеев С. Т. Экологическое право Республики Казахстан. Алматы, 2003. С. 47.
17. Бекишева С. Д. Экологическое право Республики Казахстан: Учебное пособие. Караганда : Арко, 2009. С. 22.
18. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Экологическое право России: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М. : Юрайт, 2016. С. 27.
19. Разгельдеев Н. Т. Ответственность по советскому природоохранительному праву. Саратов, 1986. С. 69–70.
20. Разгельдеев Н. Т. К вопросу о правовой природе экологического и природоресурсного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2014. № 2. С. 29–36.
21. Плякин А. В., Орехова Е. А. Эволюционно-генетический подход к формированию системы индикаторов региональной безопасности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 1 (18). С. 16–20.
22. Кодолова А. В. Тенденции развития экологического законодательства России и стран ОЭСР: сравнительно-правовой анализ // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 1 (30). С. 271–276.
23. Бринчук М. М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? // Государство и право. 1994. № 8/9. С. 118–127.
24. Анисимов А. П. Конституционные основы природопользования и охраны окружающей среды в России: вопросы теории // Новая правовая мысль. 2007. № 5. С. 16–19.
25. Анисимов А. П. Экологическое право как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы // Аграрное и земельное право. 2016. № 7. С. 91–97.

REFERENCES

1. Shemshuchenko Yu. S., Muntyan V. L., Rozovsky B. G. Legal responsibility in the field of environment protection. Kiev, 1978. P. 10.
2. Brinchuk M. M. Ecological law : textbook. M. : MPSI ; Voronezh : MODEK, 2011. P. 58.
3. Krassov O. I. Ecological law : textbook. M. : Norm : INFRA-M, 2013. P. 41–50.
4. Semyanova A. Yu. Ecological law. Course of lectures. M. : Yustitsinform, 2005. 272 p.
5. Bogolyubov S. A. Ecological law: textbook for higher educational institutions. M., 1998. P. 11.
5. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of the state and law : Textbook. M., 2003. P. 323.
6. Anisimov A. P. The ecological law in «broad» and «narrow» sense: the invitation to discussion // New legal thought. 2013. No.2. P. 3–9.
7. Ecological law of Russia: dictionary of legal terms: The education guidance for higher educational institutions [Electronic resource] / under the editorship of A. K. Golichenkov. M. : Gorodets, 2008. Password access from RLS «ConsultantPlus» (date of viewing: 06.09.2017).
8. Elyubayev Zh. S. Theoretical and methodological problems of legal regulation of subsurface use: domestic experience and foreign practice: thesis of the doctor of law. Almaty, 2010. P. 18–19.
9. Mukasheva A. A. Theoretical and methodological problems of water law of the Republic of Kazakhstan in modern conditions: thesis of the doctor of law. Astana, 2010. P. 7–8.
10. Bykovsky V. K. Forest law of Russia: textbook for Master's program students. M., 2012. P. 14.
11. Shingel N. A., Shakhrai I. S. Natural resource law: short course. Minsk : Amalfey, 2017. 328 p.
12. Bakinovskaya O. A. Land law: answers to examination questions. Minsk : Tetralitas, 2016. P. 4.
13. Makarova T. I., Lizgaro V. E. Ecological law: course of intense training. Minsk : Tetralitas, 2015. 304 p.
14. Tkachenko E. N. Right of use of resorts, medical and improving and recreational areas : abstract of the thesis of the candidate of law. Kharkiv, 1999. P. 45.
15. Samusenko L. A. Law of recreational environmental management. Minsk, 2014. P. 21.
16. Kultelev C. T. Ecological law of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2003. P. 47.
17. Bekisheva S. D. Ecological law of the Republic of Kazakhstan: Educational guidance. Karaganda : ARCO, 2009. P. 22.
18. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. Ya., Charkin S. A. Ecological law of Russia: textbook and practical work for the applied Bachelor's program. M. : Yurayt, 2016. P. 27.
19. Razgeldeev N. T. Responsibility according to the Soviet nature preservation law. Saratov, 1986. P. 69–70.
20. Razgeldeev N. T. To the issue of legal nature of the ecological and natural resources law // Bulletin of Volgograd state university. Series 5 «Law». 2014. No. 2. P. 29–36.
21. Plyakin A. V., Orekhova E. A. Evolutionary and genetic approach to formation of the system of indicators of the regional security // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2012. No. 1 (18). P. 16–20.
22. Kodolova A. V. Tendencies of development of the ecological legislation of Russia and countries of OECD: comparative and legal analysis // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. No. 1 (30). P. 271–276.
23. Brinchuk M. M. To protect the environment or to ensure ecological safety? // State and law. 1994. No. 8/9. P. 118–127.
24. Anisimov A. P. The constitutional bases of environmental management and environmental protection in Russia: theoretical issues // New legal thought. 2007. No. 5. P. 16–19.
25. Anisimov A. P. The ecological law as branch of the law and its place in system of the law of Russia: debatable questions // Agrarian and land law. 2016. No. 7. P. 91–97.

Как цитировать статью: Рыженков А. Я. Дискуссия о предмете экологического права в России, Беларуси и других странах СНГ: сравнительно-правовой аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 3 (40). С. 136–141.

For citation: Ryzhenkov A. Ya. Discussion of the subject of the ecological law in Russia, Belarus and other CIS countries: comparative and legal aspect // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No. 3 (40). P. 136–141.